

Иван Неклюдов

усLOVEности

СТИХИ

Иван Нечипорук усLOVЕности

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69427624

SelfPub; 2023

Аннотация

В стихах Ивана Нечипорука – отражение нашего животрепещущего сегодня сквозь призму авторского мировосприятия.

Содержание

LOVELЮ НАДЕЖДЫ	7
ДОЖДЛИВЫЙ ПОЛДЕНЬ	7
МОЙ ДИКИЙ КРАЙ	9
НА ПЕРЕДЕЛКИНСКОМ	10
НЕ НЕВА	12
ЛОВЛЮ НАДЕЖДЫ	13
ЛИЛЛЬ	14
ДАЖЕ НА ВОЙНЕ	15
УЛИЦЫ НАДЕЖДАМИ СОГРЕТЫ	16
НА СНОС ПАМЯТНИКА А. НЕВСКОМУ	17
ПРИШЁЛ ИЮНЬ	18
СЕЗОННОЕ	19
ХОЛОДНЫЕ ДОЖДИ	20
ВЕТЕР	21
ОКТАБРЬ	22
НА ЗАРЕ	23
ЖЕЛТЕЮТ ЯБЛОКИ	24
ЖДИ	25
ГОРЛОВЕКА – ЭТО НЕ ПЕСНЯ	26
ДЕКАБРЬСКИЙ ДИПТИХ	26
1. ПЕССИМИСТИЧНОЕ	26
2. ОПТИМИСТИЧНОЕ	26
ГОРЛОВСКОЕ РОЖДЕСТВО	28

ИЮНЬ	29
ВСЯ МОЯ ЖИЗНЬ	30
РАССВЕТ	31
ГЛУБОКАЯ	32
ЦАРСТВО ПУГАНЫХ ФАЗАНОВ	34
ГОРОД УСТАЛ	35
В ПРЕДДВЕРИИ	36
ДЕРЖИСЬ, ГОРЛОВКА!	37
ОСЕНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ	38
НОЯБРЬСКИЙ ГОРОД	39
ОБНУЛЕНИЕ	40
СЛОВЕНО БУНИН	41
ВСЛЕД	41
ВЛИП В ТВОЙ ОМУТ	43
КРУШИНА	44
ТАРТЮФЫ	45
БРАТ ИСАВ	46
АМОРФА	47
В ОЖИДАНИИ МАРГАРИТЫ	48
АННЕ	49
ДОЖДЛИВОЕ	51
ПОД ОТКОС	52
ЖИТЬ ДА БЫТЬ	53
17.12.88	54
С ЧЁРСТВОЮ ДУШОЮ	55
ТВОЙ ЛЕНИНГРАД	56

МУКА СЛОВЕС	57
ПОСЛЕДНИЕ ЧАСЫ ИЮНЯ	58
ТРЕВОЖНОЕ	59
БЕДА	60
УСТАЛОСТЬ	61
ЗАЖГУ СВЕЧУ	62
НЕУЛОВЕИМОЕ	64
В НИКУДА	65
ИНОПЛАНЕТНОЕ	66
ГДЕ ВЕЧНАЯ ВЕСНА	67
СРЕДИ СУЕТ	69
НЕРОДНАЯ	70
НЕ ДО КОНЦА	71
ПУСКАЮ В ДУШУ ВСЕХ ПОДРЯД	73
КРЕПЧАЕТ ГОРЕ ОТ УМА	74
КАЗАЛОСЬ БЫ, ЖИВИ, ЛИКУЙ	75
СВЕТ	76
ЖИЗНЬ ЕСТЬ	77
СКВЕРНАЯ ПРИВЫЧКА	78
ВОПРЕКИ	79
ЭТОТ ГОД	80
ЕСЛИ МЫ ВЫЖИВЕМ	81
НА СВЕТ	82
ПО ЛЕЗВИЮ НОЖА	83
ТУПИК	84
ДАНТОВА ОСЕНЬ	85

СЧАСТЬЕ ТРЕБУЕТ	86
СЛОВОПТИЦЫ	87
ВПОЛСИЛЫ	88
РАЗБРОД -ШАТАНИЯ	89
НЕВЕДОМОЕ ЧУВСТВО	91
7 ОКТЯБРЯ	92
БУДЕТ	93
УЧИТЬСЯ	94
НАД ГОРОДОМ	95
ПОЛУЧЕН ШАНС	96

Иван Нечипорук усLOVЕности

LOVELЮ НАДЕЖДЫ

ДОЖДЛИВЫЙ ПОЛДЕНЬ

Мне тучи шепчут притчи над рекой,
В которую ныряют колокольни.
Стрижам и чайкам под дождём привольно,
А город празден в этот час лихой.

Над мостовой шуршащий шум машин
Плывёт и утопает в хлипких липах.
И слышен грай крылатых архетипов,
Их криками намокший сквер прошит.

Благоухают кущи бузины,
По тротуарам капли бьют морзянку,
Пищат синицы, тенькают зарядки,
Не разбираясь в отзвуках войны.

Фатальность стала главной из примет,
Здесь кофе пьют под рокот канонады.
И с раздраженьем никакого сладу,
Когда надежд на безмятежность нет.

МОЙ ДИКИЙ КРАЙ

Мой дикий край, где половецких баб
Вгоняли в основанья хат казачьих.
Где воздух летний душный и горячий
Нас не спасал от цепких шахтных лап.

Мы углублялись в книги, и в шпуры
Входили анкерно, и этот мир крепили,
Питаясь воздухом со взвесью чёрной пыли,
Не зная, что мы часть большой игры.

Но мы не верили в зависимость свою,
И обходили споры стороною.
Пока наш мир не снизошёл на дно и
Мы у судьбы осели на краю.

НА ПЕРЕДЕЛКИНСКОМ

Здесь на кладбище над утомлённой рекой,
Где могилы стык в стык, как дощечки паркета,
Мы с тобой оказались – заложники лета,
И высокого неба коснулись рукой.

Здесь сквозь кроны лучи пробивались едва,
Озаряя гротескный портрет Пастернака,
Над рядами камней, чей удел одинаков,
Мы слонялись и в пазлы слагали слова.

Воздух душен и густ был, как перед грозой,
За оградой корова паслась одиноко,
Улыбался печально поэт Виктор Боков,
Рядом свиток гранитный гласил: «Доризо».

Мы с тобой удивлялись, немного отстав,
Что здесь время казалось застывшим и плоским...
Здесь сошлись Евтушенко, Чуковский,
Тарковский,
Рядом с ним деревянный голбец-кенотаф.

Уходили мы молча, ворот хриплый зев

Пропускал нас, как будто портал меж мирами.
Леденцовые маковки плыли над нами,
И князь Игорь встречал нас, распятые воздев.

НЕ НЕВА

Вот так и дышу я сомнением живым:
Глазел на Оку, но не видел Невы.
И нивы волнистые, всплеск ковыля
Близки мне. Но снится другая земля!

Я столько писал – не свести топором:
О киевских кручах над древним Днепром,
О шахтных глубинах, о кольцах Москвы...
Но я до сих пор не дошёл до Невы.

Я пики Ай-Петри в стихах воспевал,
Бродил по дворцам, в катакомбах бывал,
Дышал водопадами, слушал прибой...
А хочется встретить рассвет над Невой.

ЛОВЛЮ НАДЕЖДЫ

А я весною этой обездолен,
И ощущаю в стылом сердце пустоту.
Как лепестки ловлю надежды на лету,
И грежу о родной земле до боли:
Не хочется ни сакур, ни магнолий,
Увидеть бы, как абрикосы зацветут.

Не хочется морской волны камлания,
Залитых солнцем гор в чужой стране...
Мечтаю я о новом светлом дне,
Когда прохладной утреннею ранью
Увижу я на грани мироздания,
Как зеленеют терриконы по весне.

ЛИЛЛЬ

Ведомый судьбой по сырой и холодной земле,
Устало листаю десятки кочующих миль.
Моя одиссея свершается в Па-де-Кале
На ветреных улицах сонного города Лилль.

Чуть ёжась, по скользким проулкам вперёд, наугад
По лужам бреду, словно в песне апостол Андрей.
Кофейни, театры, и тут же впивается взгляд
В соборный фасад утюга Нотр-Дам-де-ла-Трей.

Но ветер бродяжий зовёт, и тоскою объят,
Смирненно вхожу в постаревший сутулый вокзал.
Часы мои сникли и стрелки уставшие спят...
А хищное время опять обнажает оскал.

ДАЖЕ НА ВОЙНЕ

Отцвели форзиции,
Сдав свои позиции:
У весны ротация – зацвела сирень.
Но безлюдны улицы,
Поднебесье хмурится,
Здесь автоматически человек – мишень.

Старой бесприданницей
Ходит смерть и мается,
Косит одуванчики, топчет зеленыя.
А мои окраины
Биты и изранены,
Плачутся околицы в фосфорных огнях.

А весна не ленится,
Всё цветёт и пенится,
Что ей до погибельных огненосных дней?
И с предельной грацией
Кружится в акациях –
Всё по расписанию, даже на войне...

УЛИЦЫ НАДЕЖДАМИ СОГРЕТЫ

*И если есть на белом свете счастье,
То в этом ощущении оно.
Сергей Кривонос*

Сегодня день, как сказка наяву,
И улицы надеждами согреты.
Дитя, забывшее все прелести рассветов,
Я, словно облака́, на свет плыву,
Где дворники – поборники запретов
Стригут беспечно-буйную траву.

Здесь запахи, не ведая стыда,
Парят. А май почти что идеален.
И, словно дань весенней пасторали, –
Сирень готова всю себя раздать...
И если бы косилки не рычали,
Какая разлилась бы благодать!

НА СНОС ПАМЯТНИКА А. НЕВСКОМУ

Воюют с монументами приматы,
Пытаются забвению предать
Героев, что для них теперь нон-грата...
Откуда эта раса геростратов,
Воинствующих варваров орда?

Они умы питают чёрным вздором,
На здравый смысл спуская всех собак.
История покроет их позором...
Князь Александр вернётся в этот город,
Не в силе Бог, а в правде – это факт.

ПРИШЁЛ ИЮНЬ

Пришёл июнь, рождается жара,
Цветёт чубушник в раненых дворах.
И нет надежды на дожди и грозы.
А по следам за мною ходит страх,
Который знает – это не игра,
А вынужденный шаг к метаморфозам.

Но тишина рептилией в жару,
Подставив спину солнцу поутру,
В себя вбирает умиротворенье.
На миг забыв войны порочный круг,
Мне верить очень хочется: «А вдруг
Продлится это хрупкое мгновенье!»

СЕЗОННОЕ

Вновь сезон пришёл без стука:
Что ни день – сплошная мука,
Аллергия заявляет на меня свои права.
Увеличиваю дозы
Антидота поллиноза...
Но встаёт деревьев выше
карантинная трава.

Не надеясь на удачу,
Я рычу, чихаю, плачу.
Я давно не верю в силу всех народных медийн.
Организм в тоске томится,
Как подраненная птица.
И не спрятаться, не скрыться
от назойливой пыльцы.

ХОЛОДНЫЕ ДОЖДИ

Холода впиваются когтями
В наше подсознание на заре,
Жизнь нам преподносит новый крен:
Август, угощая нас дождями,
Обещает лето в сентябре.

И бегут отчаянные реки,
Перекрёстки посвятив воде.
Насквозь промокает новый день.
И бурлят обидой человеки,
Словно уксус в щелочной среде.

ВЕТЕР

Воспитанность у ветра не в чести –
Ревёт и мечет, словно сумасшедший,
Сметая все преграды на пути,
Как птица Рух над городом летит,
Рвёт крыши с перекошенных коттеджей.

Не в силах удержаться, чтоб не взвыть,
Проспекты стонут кронами акаций,
И плачут ранним золотом листвы...
А ветер гнёт деревья, как ковыль,
Муштрует нас, и учит не сдаваться.

ОКТЯБРЬ

Пусть октябрь сегодня на излёте,
Но бессильна хмурая тоска.
За раскатом вновь летит раскат,
И саднят от шрамов миномётных
Террикона мятые бока.

Но прозрачен купол поднебесья,
Запах осени сквозь листопад пророс.
Отряхнувшись от туманных грёз,
Вновь горят над храмом тонколесья
Золотые купола берёз.

НА ЗАРЕ

Смотри, какая чистая заря,
Какие облака парят над крышами!
Сочатся: пряный запах октября,
Оттенки мёда, меди, янтаря.
И тополя едва-едва колышутся.

Туман осел в низине луговой,
И счастье льётся с голосами птичьими.
Осенний город просто сам не свой
От Божьей красоты над головой,
Ликует, как дитя, забыв приличия.

ЖЕЛТЕЮТ ЯБЛОКИ

Желтеют яблоки, а сквер дрожит в снегу.
Когда-то я уже такое слышал.
И капает ноябрь с высокой крыши,
Вливаясь в городской тревожный гул.

Трамваи в ауте, троллеи чахнет нить,
За пазухой обид чернеет камень.
Здесь духи злобы, рыкающе львами,
Уже полгорода успели поглотить.

Немеет время, телефонный сбой,
Который порождается молчаньем,
Кружится обездолено грачами,
Над снежною тоскою городской.

А я сквозь страх и стылость ноября,
Иду, отрещиваясь от истерик,
А яблоки спешат меня уверить,
Что и они надеждою горят.

ЖДИ

Город, словно рыба в молоке,
В выхлопном тумане от ракет,
В окнах глаз тревожная истома.
Не горят в безмолвном далеке
Слёзные огни аэродрома.

Декабрят холодные дожди,
И напитываясь каплями вражды,
Город стонет в горьком исступленьи...
Но назойливо дождевики шепчут: «Жди
Искупленья, исцеленья, избавленья!»

ГОРЛОВЕКА – ЭТО НЕ ПЕСНЯ

ДЕКАБРЬСКИЙ ДИПТИХ

1. ПЕССИМИСТИЧНОЕ

Был снег похож на липкий детский страх,
И ягоды дрожали на кустах,
И разводил декабрь сплошную слякоть.
И город жался на семи ветрах,
Он горечью и порохом пропах,
Что без причин хотелось выть да плакать.

Не пощадило это время нас,
Но всё пройдёт в определённый час,
Мой город верит, цепь тревог прервётся...
Поплыл декабрь, и дождь пускался в пляс,
В грязи тонул замученный Донбасс,
Тоскою веяло из угольных колодцев...

2. ОПТИМИСТИЧНОЕ

Декабрь задорен, он на кураже
Морозит ягод красное драже
И каждый миг седым сквалыгой ценит...
Пусть город опустевший порыжел
На твёрдом миро-русском рубеже
У века шебутного на прицеле.

Но город знает – скоро новый год,
И он пускается в сплошной водоворот
Наивных действий, праздничных желаний.
Приободрившись, бегают народ,
И мира, как ребёнок сказку, ждёт,
И ищет чуда в голубом экране...

ГОРЛОВСКОЕ РОЖДЕСТВО

Опять январь теплом стреножен,
Теряя привкус волшебства,
Пора свои шаги итожить...
А в город от Семидорожек
Приходит праздник Рождества.

Мычат волами терриконы,
И блеют звёзды с небеси...
Мой город зверем стооконным
В молитве светлой окрылённо
Взывает: «Господи, спаси!»

ИЮНЬ

Слава Богу, мы дожили до июня!
Май растаял восковой свечой.
Есть проблемы, но они не в счёт.
Светит мне ресничка новолуныя,
И акаций аромат течёт.

Всё, что есть, – смиренно принимаю,
Отметая скорбный свод потерь.
И небес мерцающая твердь
Возглашает, что любовь земная
Не желает больше верить в смерть.

ВСЯ МОЯ ЖИЗНЬ

Город, где шахтной пылью дышалось легко,
Я, как волчонок, впитавший его с молоком,
В мир прорастал, наполняясь его соучастьем,
В этом великом краю пролетарского счастья.
Позже я пил этот город донбасским дымком.

Город, где ртутных карьеров раскаты неслись,
Где вагонетки канатки, взлетевшие ввысь,
Были нам символом крепкой советской эпохи.
Я этот город теперь собираю по крохе,
Горловка – это не песня, а вся моя жизнь.

РАССВЕТ

Когда Венеры томный взор остыл,
Мои желанья сдержанно просты,
Когда окраины легкоранимы,
Я вижу с безмятежной высоты,
Как всходит солнце в дыме коксохима,
Как распускается рассвет неумолимо
Над куполом насыщенно-густым,
Перетекая через блокпосты...

И в этот миг мне хочется уже
Смотреть, как мир июньский порыжел,
Уткнувшись в чабрецы и молочаи.
А ветер на каком-то кураже
Врывается в зарю, не замечая
Что будет день, по-прежнему отчаян,
Сражаться на невидимой меже...
Без злобы, без огня, без новых жертв.

ГЛУБОКАЯ

Душной ночью желтоокой
Вдруг настала тишина.
Снится раненой Глубокой,
Что окончилась война:

Дышат улицы цветеньем,
Голосами детворы,
Наслаждаясь птичьей звенью,
Негой солнечной поры...

Но вспорхнёт рассвет жар-птицей –
Ухнет канонады вой.
Мир Глубокой только снится
В этой пляске огневой.

ГОРОД ЖИВ!

Канонада гудит без умолку,
Словно в сердце вбиваются сваи!
Город жив! Его вера живая,
Отгоняет от нас кривотолки.
Пусть звенят дребезжаще трамваи

И хрустят под ногами осколки.

Но щебечут небесные птицы,
Что-то шепчут влюблённые клёны.
В этот город июньски-зелёный
Каждой клеткой торопишься влиться.
Светлый город, бедой опалённый,
Как лампада, стоит у божницы...

ЦАРСТВО ПУГАННЫХ ФАЗАНОВ

Горемычная сентябрьская планета –
Поседевший от войны Донецкий Кряж!
Реки выпиты до дна, все песни спеты,
И застывшие над головой ответы
Не укладываются в хронометраж.

Это царство трижды пуганых фазанов
Не сдаётся. Этот край к тому привык,
Что не временем залечивают раны,
И историю назло эпохе бранной
Переписывает в новый чистовик.

ГОРОД УСТАЛ

Город дрожит от предчувствия боли...
Сжался б в комок, как бездомный щенок,
Только просторами он обезволен,
Баржею ржавой стоит на приколе,
С кроткой надеждой глядит на восток.

Город устал, и фантомность предместий
Чувствует каждую ночь на себе.
Всё на кону! Отвергая бесчестье,
Город живёт ради добрых известий,
Наперекор неподъёмной судьбе.

В ПРЕДДВЕРИИ

Всё хорошо? Да ничего хорошего,
Шумит февраль и сыплет с неба крошево,
И ветер затевает свистопляс.
Бредёт в лохмотьях чёрно-дымных странница
И под её шагами содрогается
Обугленная страхами земля.

Окраины, охваченные бреднями,
Как будто наступают дни последние,
Уже не ищут панике предлог...
Осмысленности нет. Народ в прострации
Из андеграунда спешит в эвакуацию...
Пока наш мир от взрывов не оглох.

ДЕРЖИСЬ, ГОРЛОВКА!

Не сдаётся зима, и осколки пронзают сугробы,
Давят мысли и страхи, когда сам с собой не в ладу.
Этот город – души моей вечный чернобыль,
И алтарь, на который я сердце кладу.

Город-мученик, он, опалённый огнём «операций»,
Так устал содрогаться, и чувствовать привкус вины...
Я молю: «Продержись! Мы должны продержаться!
Есть надежда, что мы на пороге весны!»

ОСЕНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Налетели свиристели на рябины,
Птичье счастье зыбко, будто в снах.
Я смотрю на них с тоскою журавлиной,
А внизу лежит осенняя долина
В приглушённых золотых тонах.

Облетают листья клёнов удивлённых,
Затишают птичьи шум и гам.
Осень продолжает труд подённый,
Без излишних пышных церемоний
Стелет золото парчи к ногам.

Н О Я Б Р Ъ С К И Й Г О Р О Д

Город спросонья взирает нелепо
На межсезонья хмельную игру:
Год замыкает разорванный круг.
Поздняя осень – подранок вальдшнепа
Крыльями жалобно бьёт на ветру.

Город, вздыхая, выводит трамваи,
На перекрёстки разбитых эпох...
Город печали свои превозмог,
Глядя, как в небо ноябрь уплывает
И отрясает обрывки тревог.

ОБНУЛЕНИЕ

Обнулился календарь,
ночь поводя отпустила,
Вновь летит кометой время
сквозь небесные огни.
Межсезонье... Межвременье...
В воздухе сыром и стылом
Над луной гало не гаснет,
словно золочёный нимб.

Ничего мне не досталось:
ни восторга, ни брюзжания,
Только тишь из-за простенков
в бронь закованных квартир.
И на улицах безмолвье.
Разбежались горожане
С верой в чудо, с верой в Небо
и с надеждами на мир...

СЛОВЕНО БУНИН

ВСЛЕД

И.И.В.

Я смотрю тебе вслед,
Изумленья сдержать я не в силах.
Сколько дней, сколько лет,
Где нас только с тобой не носило.

Но ты выбрал звезду
И остался ей предан и верен.
А мою пустоту
Ни обнять, ни объять, ни обмерять.

Но я счастлив, что был
У истоков твоих родниковых.
Кто бы что не твердил,
Я всегда брал твой шаг за основу.

Весь твой мир – это путь
От Полярной звезды до Венеры...

Ты меня не забудь –
Проходимца без права и веры...

ВЛИП В ТВОЙ ОМУТ

Может я простецки глуп? –
Влип в твой омут светлоокий,
В образ ветреный, жестокий.
Поэтический суккуб –
Тянешь соки, тянешь строки.

Стал безвольным и пустым,
Жизнь – бескрайняя пустыня,
Я тобой отравлен ныне...
Но к тебе сквозь мрак и дым
Я бреду... А бред не стынет.

КРУШИНА

Кручина крушины – крушение,
Когда полевая звезда
Сорвётся с небес к отражению,
Где гиблая стонет вода...
Поверь, в этом мире прощенья
Не будет тебе никогда.

По жизни удел – в муках корчиться
Душой, заклеимённою злом.
Спасёт ли тебя мифотворчество,
Отступит ли этот надлом?
Молись сквозь века одиночества,
Чтоб в горнице стало светло...

ТАРТЮФЫ

Лукавые бойцы невидимого фронта –
Тартюфы искусительных бесед,
Ваш серый мир циничностью задет,
И потому за грани горизонта
Вы прячете отсутствие побед.

В чаду невыносимого угара
Нацизмом озабоченной страны,
Вам не понять, насколько вы больны.
И хочется стереть вас скипидаром,
Как плесень с зацветающей стены.

БРАТ ИСАВ

Вот так и вышло, брат Исав,
За чечевичную похлёбку,
Устав от жизненных неправд,
Ты, первородство мне продав,
Пошёл своей неверной тропкой.

Откинув страх, я, сделав шаг,
К твоим победам стал стремиться...
С горящим словом на устах,
Унылый отрясая прах,
Я в небо взмыл за синей птицей.

АМОРФА

На нашей окраине, мама,
Не радуется цветом аморфа.
Меж теми и этими нами
Года стали странными снами,
А память почти что аморфной.

Прости меня, мама, не стал я
Великим, могучим и важным.
И сердце моё не из стали,
Судьба ядовита, как талий,
А слёзы, как чёрная сажа.

Маячит над нами упрямо
Седой террикон, как Голгофа,
Торговцы уходят из храмов,
А значит, сквозь бремя бедлама
Подарит соцветья аморфа.

В ОЖИДАНИИ МАРГАРИТЫ

Мих. Бул.

Быт содрогнулся! Воздух едкий, резкий,
Когда от боли хочется кричать.
И злобный хрип, мол, ты – не Достоевский,
Как будто взмах секиры палача.

И тьма пришла! А ты, закрыв страницу,
Предчувствий чёрствых отзвук уловив,
Готов сорваться в ночь кричащей птицей,
Не веря стылым призракам любви.

АННЕ

Дней минувших тусклое светило
Помнит ваши встречи-расставанья,
Стылый след отчаянной любви...
Всё, что было, – челноком уплыло:
Рухнула опора мирозданья,
И твой мир уже не оживить..

Таёт образ Царскосельской школы
За багрово-пыльной пеленою,
Гаснут шумной юности огни...
Где твой мальчик смелый и весёлый?
Над какую именно Двиною
Пуля, просвистев, пришла за ним?
БЕЗЫМЯННАЯ ЗВЕЗДА

Она ушла. Тебе почти не верится,
Что эта ночь была в твоей судьбе.
В своих воспоминаньях оробев,
Не смеешь взор поднять к Большой Медведице,
Что тянет лапы, замерев в мольбе.

Твой городок с извечными изъянами,

О вас двоих не вспомнит никогда.
Но счастлив ты, ведь где-то есть звезда,
Она горит, пока что безымянная,
И к ней уходят в небо поезда.

ДОЖДЛИВОЕ

То бросит в жар, то в дрожь –
С тоскою нету сладу.
О чём-то шепчет дождь,
Бредущий вдоль ограды,
А ты напрасно ждёшь
Прорыва в хит-парады.

Но глядя в темноту,
Что стонет в утлой раме,
Ты знаешь – суету
Не разогнать дождями...
А мелкий дробный стук
Всё звонче и упрямей.

ПОД ОТКОС

НСГ

Исход пока ещё неведом,
У нас одна война, но мы
О разных думаем победах.
А смерти что? – Идёт по следу,
Людей разделявая в жмых.

Побита оспами воронок
Былая жизнь. И мы вразнос
Злословья сводим эскадроны,
Озверевая неуклонно,
Пускаем чувства под откос.

ЖИТЬ ДА БЫТЬ

Жить да жить бы, но эта щемящая боль
Не давала причины найти неуспеха,
Заставляя прочувствовать каждую веху...
Если слово способно лечить, так изволь
Быть целителем судеб, как Чехов!

Я опять пожинаю чужую весну,
Проживая как книгу от корки до корки,
И прозрачную ночь допивая на зорьке,
Нахожу в себе силы, не ухнув ко дну, –
Быть ценителем судеб, как Горький!

Вновь полуночный свет, озаряя меня,
Красит город в оттенки горячей латуни.
Но сирены режут в истеричном июне,
Мне приходится на перекрестье огня
Обвинителем быть, словно Бунин!

17.12.88

Парфенкову А. С.

Был декабрь и падал снег,
В доме дверь не закрывалась.
И тревожная усталость
Расстиралась, как во сне.

Моноotonно шли псалмы,
Свечка таяла невинно,
Уплывала домовина
От сумы, тюрьмы и тьмы.

Скорби томная печать:
Вечер очернён слезами.
И печаль ложилась с нами,
Чтобы утром с нами встать.

С ЧЁРСТВОЮ ДУШОЮ

Я с душою чёрствою, как камень,
Нарушая промысел поста,
Изливаю боль под облаками...
Оттолкнуться б от земли ногами,
Только под ногами – пустота.

Это ли теперь не преступленье –
Верить в твердь потерянных годов?
Вновь теряя связи поколений,
Я ловлю руками чьи-то тени,
И к потерям новым не готов.

Но пока в душе трепещет вера,
И ещё бессильны плен и тлен,
Болью обретаю чувство меры:
Не щадя ни памяти, ни нервов,
Нахожу свой путь в крошечной мгле.

ТВОЙ ЛЕНИНГРАД

ММЗ

Время лязгающим траком
Пробивает колею.
Оглянись на жизнь свою:
Вырастают глыбы мрака
У Вселенной на краю.

А написанные книги
Обличают и корят.
И летят в тебя булыги
От любого забулдыги
Под напевы сентября.

Жизнь твоя теперь безвидна,
Ты готов сорваться в ад,
От неправды и обиды...
В мрак уходит Атлантидой
Твой печальный «Ленинград».

МУКА СЛОВЕС

НОЧЬ С

АПРЕЛЯ НА МАЙ

(Горловский сонет)

Как в полусне сознание парит.
Всё врёт судьба, хоть вроде мягко стелет,
Я вне себя десятую неделю,
И к звёздам рвётся нерождённый крик...
Забычковав последний день апреля,
Я первый майский кофе заварил.

А город содрогается в ночи,
И остывает в чашечке эспрессо.
Там, над Глубокой дымная завеса
И воздух обречённостью горчит.
Моей весны нерадостная пьеса
Трепещет, словно язычок свечи...

Гул сотрясает небо без умолку,
И робкий май шагает по осколкам.

ПОСЛЕДНИЕ ЧАСЫ ИЮНЯ

(Горловский сонет)

Елене Н.

Нет, не закончился июнь!
У нас с тобою день в запасе,
И мы идём по пыльной трассе,
Пока рассвет предельно юн,
Туда, где у песчаных дюн
Залив озёрный так прекрасен.

Где жизнь бурлит во весь накал,
Где ивы распустили пряди,
Разносится над водной гладью
Черноголовых чаек гвалт,
Где мир почти что мирным стал,
И преисполнен благодати.

И только сердце кровоточит
От боли отгремевшей ночи.

ТРЕВОЖНОЕ

(Горловский сонет)

Ночей тревожных бесконечна боль,
И нет надежды, что она прервётся.
Живу во тьме, хотя и верю в солнце,
Но боль упорно лезет исподволь.
Мой скорбный вой к созвездьям в небо льётся,
Где затмевает сам себя Алголь.

Туда же льнёт и канонады гул,
И нет смятеньям ни конца, ни края,
В такие ночи люди выгорают
И оседают пеплом на снегу.
Как пешка я, которой не играют,
Преодолеть тревоги не могу.

И, словно дым, – друзей ушедших лица,
И невозможно с болью примириться.

БЕДА

(Горловский сонет)

Пока слонялся по углам,
Моя беда ходила рядом:
Вокруг двора, вокруг кола,
Напитываясь злобным ядом,
Сверлила душу диким взглядом
И хищно свой момент ждала.

Пока рассвет серел в окне,
Беда, схватив меня за плечи,
Поставила лицом к стене.
А я наивно и беспечно
Смотрел, как некто жребий мечет,
Но не о ризах... Обо мне.

Мой новый день от страха жался
И от сумы не зарекался.

УСТАЛОСТЬ

(Горловский сонет)

И хочется вином залить тоску,
Ты так устал быть менестрелем бойни.
Легко судить смотрящим с колокольни,
И языком молоть словес муку,
Чтоб речь звучала злей и протокольней,
Пока их с высоты не совлекут...

А тут молчишь, накапливаешь злость,
И чувствуешь себя, как в саркофаге,
Пока душа не выплеснет бумаге
Всё то, что в хрупком сердце запеклось,
Не думая о страхе и отваге,
О спице, что вот-вот пронзит насквозь...

И судит век предвзято и сурово
За каждое несказанное слово.

ЗАЖГУ СВЕЧУ

(Горловский сонет)

Зажги свечу и сумерки отступят...

Николай Новиков

Приходит вечер по-октябрьски пресный

И выползает тонкая луна.

Я одиноко пью закат до дна,

И сумерки встают стеной отвесной.

Зажгу свечу – и в памяти воскреснут

Все дорогие сердцу имена.

И вечер вдруг наполнится стихами

И голосами тех далёких дней,

Когда запал души горел мощней,

А сердце чёрствым не было, как камень...

Холст вечера строками, как мазками,

Заполню я, и станет мир ясней.

Зажгу свечу, чтоб те, кто были с нами,

Не растворились в памяти моей.

НЕ РЕЗОН

(Горловский сонет)

Превращая стихи в согласованный шум,
Обречённо ищу подходящее слово.
Но душа, растерявшись, мне снова и снова
Настоятельно шепчет, что я, мол, спешу.
А ноябрь сверлит спину мне взглядом суровым,
Я опять не от печки по жизни пляшу.

Заговаривать сны нынче вышел сезон,
Но шаманят ветра по шершавой бумаге.
Я хотел написать про линялые флаги,
Но от этого страшный рождается звон...
Мне придётся забыть о вчерашней отваге,
Быть «героем не к месту» – уже не резон.

И слова улетают грачиною стаей,
Я во след пепел старых тетрадей листаю.

НЕУЛОВЕИМОЕ

Я ОСТАЛСЯ
ОДИН

Виктории П-К

Боль души, как тротилловые мегатонны...
Рвётся сердце в моей обречённой груди,
Пожинаю потери свои неуклонно.
Я остался один из семи Симеонов.
Я остался один!

Этой боли мне в душу вколочены сваи,
Плачет сердце, как будто запуганный зверь.
Это время за ворот тоску заливает.
Что мне делать теперь, моя память живая?
Что мне делать теперь?

Говорят: время лечит, но чаще – калечит!
Лишь мгновения мимо сознания бегут.
Страх терзает меня и хватает за плечи.
Я уже не смогу быть бродягой беспечным.
Я уже не смогу!

В НИКУДА

Здесь не нужен ты, там – никто не ждёт...
Не ходи впотьмах вдоль глухих оград!
Время вздорное голосит: «Вперёд»,
Но в отчаянье ты глядишь назад.

Не поэтому ль никуда не вхож?
Обездолено ходишь гол и нищ,
Сеешь искренность – пожинаешь ложь,
И ведёт твой путь мимо пепелищ.

Нелегко понять, кто есть враг, кто друг,
Бьётся молния сквозь лазурный флаг.
Не порвать никак твой порочный круг,
И гнетёт тебя горький крест бродяг.

ИНОПЛАНЕТНОЕ

Твой пепелац пылится в гараже.
А у тебя на пятом этаже
Лежит медведь с оторванною лапой –
Не цапай, косолапый, гравицаппу.
Прогорклый день отчаянно блажен,
И новые растяжки на меже.

Не сохранить свой мир в яйце-райце ,
Ему цена три тысячи КЦ,
Но каины отнимут для войны
И этот мир, и жёлтые штаны.
А ты сиди на золотом крыльце,
Где сплошняком подлец на подлеце.

Уже не избежать напрасных драк,
Замри в поклоне, вставь унылый цак.
Включайся в безымянную игру,
Надеясь, что тебя не заберут...
Куда ни кинь – повсюду клин да мрак,
Где судьбы подбирает автозак.

ГДЕ ВЕЧНАЯ ВЕСНА

Чёрной полосой весь год идёшь,
Нянчишь на руках то блажь, то ложь,
Скорбный раб незримых расстояний.
Слухам ты свободу не даёшь,
И они болтаются, как клёш,
На незримой грани горькой брани.

Речь твоя уныла и скудна,
То сидишь у праздного окна,
То несёшься в гору бестолково.
И тоска твоя, как ночь, темна,
В городе, где вечная Весна –
Ничего незначащее слово.

СТАРАЯ ИГРУШКА

Я старомодная игрушка!
На нашей ёлке бытия
Висят гирлянды и хлопушки,
Звезда сияет на макушке...
И несуразно лишний я
На брэнной ёлке бытия.

Мой лоск остался в прошлой эре –

В расколоте большой стране,
Где я наивно в счастье верил,
И бился в замкнутые двери,
Мечтая о великом дне...
В давно охаянной стране.

СРЕДИ СУЕТ

Жизнь всегда по-своему права!
Мы живём по знакам и приметам,
Извлекая нужные ответы,
Превращая символы в слова.
Рёю одуванчик – образ лета,
А префектам – сорная трава.

Мыслеформы робкая печаль
Прорастает сквозь мифологемы,
В этих дебрях мы находим темы,
Закаляя строки, словно сталь.
Вопреки стратегиям и схемам
К небу нас уводит магистраль.

Кажется порой – спасенья нет:
Образами бытие полнится,
Что ни звук – трепещущая птица,
Что ни знак – отеческий завет...
А пытливый ум опять стремится
Отыскать свой путь среди сует.

НЕРОДНАЯ

*Видно нету хуже горя,
Чем чужая сторона.
Казачья песня*

Путь аллюзий, аллегорий
Вдоль сплошного моря льна.
Я тоской пресыщусь вскоре,
Ни покрышки б ей, ни дна.

И тону в кромешном вздоре,
Вслух от боли простонав:
«Я устал с судьбою спорить,
Неродная сторона!»»

НЕ ДО КОНЦА

Я знаю, что нужно идти до конца,
Но мне невозможно теперь отрицать,
Что я не дошёл до реки своей Чёрной.
И если судьба пожалела свинца,
Тем хуже душе, на позор обречённой.

Куда ни пойдешь в сумрак стылого дня,
Там каждый мой шаг укоряет меня.
И не выгорая в тоске самомненья,
Я вынужден горькую правду принять,
Что в мире живых стал бесплотной тенью.

НЕУЛОВИМЫЙ

Я раскинул руки в чистом поле,
И стервятники кружатся надо мной.
Я уже не ощущаю боли,
Только слышу – льётся с колоколен
Тихий плач и оседает зной.

Таёт день, а я лежу в полыни,
Гимнастёрка запеклась в крови.
Я люблюсь поднебесной синью,

Понимая, жизнь сейчас остынет
В миг, который так неуловим.

ПУСКАЮ В ДУШУ ВСЕХ ПОДРЯД

Смятениями облучён,
Живу насупленным сычом
Под ритмику чужих мелодий.
То минотавр, то дурачок
В моей душе приют находят.

Я сам, бродяга-психопат,
Пускаю в душу всех подряд
Без масок и сертификатов...
Так и мощу дорогу в ад
Сквозь жар бессмысленных закатов.

То вдруг нахлынет злая муть –
Ни выдохнуть, ни продохнуть,
Не жизнь, а битва у Каялы...
Но, выбирая новый путь,
Я свой бы вновь прошёл сначала.

КРЕПЧАЕТ ГОРЕ ОТ УМА

Февраль – запутаннейший ребус,
Слезливо-снежная пора,
Туманы нагнетают страх.
Судьбе гулящей на потребу
Несусь на всех своих парах:
Ногами – в грязь, душою – в небо.

И потому пути не гладки,
Крепчает горе от ума.
И в полдень я хожу впотьмах...
Сорваться б с места без оглядки
И ёжиком уйти в туман
На поиск призрачной лошадки.

КАЗАЛОСЬ БЫ, ЖИВИ, ЛИКУЙ

Казалось бы: живи, ликуй,
Вселенские читая строфы,
Лови поток небесных струй...
Но в миг, когда сочится кофе
В преддверье новой катастрофы,
Ты ощущаешь поцелуй.

Казалось, никаких «а вдруг!»
На вашей неказистой тропке,
Но разум чаще слеп и глух,
Доверчивый и тихо-кроткий.
В твоей прокуренной коробке
Лобзанье даст продажный друг.

Непониманием дрожит
Обида разочарованья.
И светом плачут этажи,
И не находят оправданья
На этой судьбоносной грани
Такой невыносимой лжи.

СВЕТ

Сколько всего от унылого взгляда сокрыто!
Даже в тени нужно помнить, что где-то есть свет:
Солнце в глазах и в безмолвном куске антрацита,
Солнце в душе и в сиянии дальних планет.

Главное вовремя это понять, и напрасно
Не прожигать светлых знаний в потоке годов,
Верить, что свету любая частица причастна!
Если не веришь, ты к Свету ещё не готов.

ЖИЗНЬ ЕСТЬ

Мой блок судьбы перепрошит,
Вновь тишина меня глушит,
Как сонный мрак в глубоких недрах.
Сквозь годы, смуты, километры
Несу свечу своей души,
Назло отчаянному ветру.

И я в пылу мирских сует
Твержу себе, что жизнь есть свет.

СКВЕРНАЯ ПРИВЫЧКА

Падать духом – скверная привычка!

Не ходи на поводу тоски.

В день, который страхами напичкан,

Выгорит душа в момент, как спичка,

Утопая в горестях мирских.

Выбирайся из хандры ребячьей,

Головой еловою встряхнув.

Новый день нытьём своим не пачкай,

Выходи-ка из дремучей спячки,

Наполняя верою весну.

ВОПРЕКИ

Над копотью отчаянных надежд,
Назло огню, дымам и канонаде,
Читаю строки в порванной тетради.
Рубец моей тревоги слишком свеж,
Но я на всё готов победы ради.

И пусть мои потери велики
На этом разрушительном изломе,
Я выстою всем страхам вопреки,
Чтоб видеть вновь, как пляшут огоньки
От коксовых печей и жарких домен.

ЭТОТ ГОД

Куда несёт нас этот год,
Как ветер зыбкую позёмку?
И мы бредём по хрупкой кромке,
Трещит под нами серый лёд –
Неверный, как бумага тонкий.

А веры в свет почти что нет,
Ушла в пучину утлым судном.
Здесь стало безобразно трудно
Хранить тепло ушедших лет
Во мгле тяжёлой, беспробудной.

И снова не хватает зла
И сил, чтоб оборвать печали.
Бедою век наш измочален,
И мы с ним, вымучены в хлам,
Горюем на пустом причале...

ЕСЛИ МЫ ВЫЖИВЕМ

Если мы выживем в этом огне,
В этом густом удушающем дыме
И, вспоминая о стылой весне,
Сможем ли мы укротить этот гнев?
Если Господь нас оставит живыми...

Сколько в сердцах накопили мы зла,
В списках утрат без конца и без края?
Нас угнетали тревога и мгла,
Мы выгорали от боли дотла.
Рок выл над нами, как псина дурная.

Как это всё обнулить и забыть?
Нам говорили, что нужно быть выше.
Только обиды суровую нить,
Не оборвать, но и страшно хранить...
Если мы выживем, если мы выжи...

НА СВЕТ

Отгремело лето разудало,
Время серебрит мои виски,
А душа давным-давно устала,
Возводит себя на пьедесталы
Саморазрушительной тоски.

И в пылу отчаянных стремлений,
Я лечу на свет, но верь-не верь,
Я тону в объятьях треволнений,
Каждый новый день глядит надменной
На беспечный свод моих потерь.

ПО ЛЕЗВИЮ НОЖА

Куда идём по лезвию ножа?
Забыв про страхи, открываем двери,
Мы ищем миг, чтоб расколоть безверье.
Но свечи так испуганно дрожат,
И непонятно, веру чем измерить.

Куда идём? Сочится кровь души,
Ещё вчера мы верили апрелю,
А нынче август под ноги нам стелет
Кленовую листву. И тьмой прошит
Безмерный путь сквозь чёрствые недели...

ТУПИК

Опять тупик? Ну что за наважденье?!
Не перепрыгнуть и не обойти,
Преграда за преградой на пути,
И страх в душе до головокруженья.
Но я не соглашусь на поражение,
И мой запал уже не обратим!

ДАНТОВА ОСЕНЬ

Вот и осень роняет свои эполеты
Стылых клёнов в роскошно-желтеющем сквере.
Получив свой удар от холодного лета,
Я пытаюсь укрыться от шума и света:
Снисходя в те круги, где бродил Алигьери.

Ускользя от осени робкою тенью,
Не отринуть мне статус её фигуранта...
Но я верю, однажды тропую весенней,
Страх отбросив, я к свету начну восхождение,
К верхней точке, к которой стремился сам Данте.

СЧАСТЬЕ ТРЕБУЕТ

В мякине суетного дня,
Отчаянной тоской разбитый,
Всё больше погрязая в быте,
Ты тщетно силишься унять
Несовпадения событий.

Над бурным руслом суеты
Вчерашних дней летят обрывки,
Ты в стадии перепрошивки
Забыл о радостях простых...
А счастье – требует доливки!

СЛОВОПТИЦЫ

Птицами в Ирий уходят слова.
Чем их сдержать, если небо открыто?
Пусть мой блокнот не всегда плодовитый,
Но, пробиваясь сквозь сердце едва,
Словно по лестнице из алфавита
Вера восходит, и вечно жива
Логоса в вечном сиянье орбита.

ВПОЛСИЛЫ

Осень сегодня воюет вполсилы,
Зеленью балуют тёплые дни.
Только тревогами город накрыло,
Небо затянуто серым акрилом...
Серым и я становлюсь вместе с ним.

Осень несмело вливается в скверы:
Падают яблоки, падают сны...
Но на душе так смятенно и скверно,
Только и можно спастись крепкой верой
В грязных окопах духовной войны.

РАЗБРОД -ШАТАНИЯ

Мои шаги во тьме ночной
Чужого города.
Один, как перст, тут ной не ной
Сгустились тучи надо мной,
А небо вспорото.

И льётся из прорехи сна
Тоска былинная.
Сентябрь! А в воздухе – весна,
Что несвободою тесна –
Как в домовине я....

Вся жизнь моя теперь вверх дном:
Разброд, шатания.
Я обесточен, но давно
В воображении больном
Смёл расстояния.

И вновь виновен без вины!
Душе-страдалице
Ещё тревоги не видны,
Но чувства все оголены,

И есть в чём каяться...

НЕВЕДОМОЕ ЧУВСТВО

Как хочется жить, живота не жалея,
Ценить каждый день, каждый отблеск мгновений.
Но чёрной тоской в сердце боль моя тлеет:
И я ощущаю себя Галилеем,
Который не смог отстоять убеждений.

Душа моя в клетке мятущейся птицей
О рёбра решётки изранила крылья.
Я в тесном кольце бесконечной границы...
И только строка моя к свету стремится,
Ей просто неведомо чувство бессилья.

7 ОКТЯБРЯ

Луна плывёт над кряжистым горбом,
А мимо тучи движутся в депо,
И грани дня безременьем сметаемы...
Сегодня в ночь уходит Эдгар По,
А завтра – день рождения Цветаевой.

Мир не стоит. Он соткан из примет,
Событий, городов, которых нет,
Из чувств и слов, риторики, поэзии...
И дни колосьями из мрака рвутся в свет
В Божественном вселенском равновесии.

БУДЕТ

Дрожит тумана серый студень,
Рассвета вспорога аорта,
И новый день несёт на блюде
Свет октября легко и гордо.
И хочется кричать о чуде
В мажорно-праздничном аккорде,
Что счастье будет! Будет? Будет!

Была бы вера в сердце, люди,
И день никто нам не испортит!

УЧИСЬ

*Научился говорить – значит вырос,
научился молчать – значит поумнел.
Джордж Бернард Шоу*

Мне говорят: «Учись молчанию!», –
А я, признаться, не могу,
И здесь, на левом берегу,
Где время жалуется терзанием,
Слова мне страхом душу жгут.

Молчанье может вытечь в фобию,
Снедая разум по чуть-чуть,
А это мне не по плечу.
Мне говорят: «Учись безмолвию!», –
А я, признаться, не хочу!

НАД ГОРОДОМ

В скверах вновь рябиновый накал,
Ветер листья без просвета носит.
Вот и я, сомнения отбросив,
Понял, как последний маргинал:
Густав Климт любил, бесспорно, осень,
Только всеу не упоминал...

Смерть и жизнь, две непохожих птицы
Заставляют этот мир кружиться...

Несказанно тесен мир и мал,
Охрою деревьев опалённый.
Снова сыплют позолоту клёны,
Снова сквер полупрозрачней стал.
Я парю над городом влюблённо,
Как когда-то рисовал Шагал:

Люди у него почти что птицы,
С ними суждено и мне сродниться.

ПОЛУЧЕН ШАНС

Первый снег, проспект хандрит привычно,
Несмотря на праздничный наряд.
Я, окутанный тревогой ноября,
Получаю шанс проверить лично:
То, что рукописи не горят...

Я теперь потери не считаю,
Научившись всюду видеть свет.
Четверть года, как унылый бред,
Прожито от края и до края...
Снег. Ноябрь. Смятений больше нет...